

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ПОЛИТИКЕ: СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Кудашова Ю.В.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Политическое пространство – одно из часто встречающихся словосочетаний в научной литературе, но при этом недостаточно разработанное. Оно используется в качестве синонима таких понятий, как политическая реальность, политическая сфера, его определяют как среду «существования разнообразных форм политической жизни» [1]. Обычно это понятие употребляют в тех случаях, когда надо «раздвинуть» рамки категории «политическая система» и выйти за горизонты институциональных отношений, либо тогда, когда надо подчеркнуть территориальные границы протекающих политических процессов. С.Гаджиев отмечает, когда мы говорим о политическом пространстве, то мы имеем в виду существующие в каждый конкретный момент феномены, структуры, элементы и условия для их функционирования [2]. Д.А.Мальцева считает, что политическое пространство олицетворяет синтетическую рефлексию политической организации системы, оно делает возможными фиксацию, измерение и оценку политических процессов в их абстрактном сущностном изображении, основываясь на характерных моделях, стереотипах, архетипах, алгоритмах и т.д.[3].

Концепт «политическое пространство» имеет собственные коннотации, которые задаются как общим смысловым содержанием понятия «пространство», так и особыми атрибутивными характеристиками, накладываемыми на это понятие символическим значением политического. Категория политического пространства не претендует на статус всеобъемлющей, она не умаляет значимости таких категорий, как «политическая реальность», «политическая система», «политическая сфера», но ее введение в научный оборот должно обеспечить создание новых методологических оснований для объяснения феномена политического.

Есть два основных подхода к проблематике политического пространства. Первый подход сложился в рамках геополитики, которая традиционно оперировала категориями, раскрывающими территориальную обусловленность политических процессов. Как известно, один из основоположников геополитики Р.Челлен назвал геополитикой «науку о государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве» [4]. Этот подход сформировал представления, что политическое пространство можно выделить на основе наложения политических процессов на параметры физического (географического) пространства. Именно этой проблематикой, по мнению М.В.Ильина, должна заниматься геополитика, которая по своему содержанию есть «знание (учение) об организации политий в качественно определенном пространстве» [5].

Значение геополитического подхода заключается в том, что в его рамках была предпринята первая серьезная попытка объединения политического и пространственного компонентов реальности. Как отмечал Ф.Моро-Дефарж, «геополитика анализирует отношения между homo politicus и пространством. Эта дисциплина учитывает, разумеется, влияние пространственных факторов на

политические решения и на отношения в области политики, а также воздействие политической ситуации на организацию пространства и контроль над ним» [6].

Жесткая увязка между территорией и политикой, сложившаяся в традиции геополитического подхода, привела к появлению таких интерпретаций политического пространства, где эта взаимосвязь является определяющей. Поскольку, политическое пространство складывается на территориях, очерченных национально-государственными границами, то относительная стабильность таких границ, по мнению ряда авторов, придает политическому пространству некоторую замкнутость. В частности Ф.Моро-Дефарж видит в этой зависимости качественную определенность политического пространства [6].

Под влиянием геополитического подхода в современной науке складывается представление о политическом пространстве как «реальной протяженности территории, на которую распространяется исторически обусловленная политическая жизнь или политическое влияние» [1]. Рассмотрение политического пространства как территориально обусловленной политической жизни, как политических событий, протекающих в определенном месте, в наибольшей степени отвечает нашему привычному восприятию пространственно-временной обусловленности всего происходящего. Такой подход позволяет описывать соотнесение действий одних политических акторов с другими, видеть развертывание политические процессов, выделять траектории развития, наблюдать и описывать степень физической близости/удаленности участников политических процессов.

В рамках геополитического подхода роль «контейнера» фактически отводилась физическому пространству, возникающему на определенной территории, где разворачивались политические действия, складывались политические структуры, которые в своей совокупности придавали политическому пространству конкретную историческую форму.

Географическая доминанта присутствует и в рассуждениях ряда авторов о важности оптимизации пространственной организации России. Проблема видится главным образом в низкой эффективности использования средств, которые в последние годы все больше концентрируются в руках федерального центра и перераспределяются по территории страны, в существовании регионов-доноров и регионов-реципиентов. В этой связи схема пространственного развития страны должна включать в себя инструменты повышения бизнес-активности территорий, умножения социального капитала и повышения их инфраструктурной обеспеченности [7].

Для данного методологического подхода характерно описание пространства через конкретные геополитические образы, под которыми, как пишет Д.Замятин, «понимаются целенаправленные и четко структурированные представления о географическом пространстве, включающие наиболее яркие и запоминающиеся символы, знаки, образы и характеристики определенных территорий, стран, регионов, маркирующие их с политической точки зрения» [8].

Геополитическая интерпретация политического пространства несет в себе ряд важных методологических посылов, позволяющих выявить некоторые особенности связей с общественностью в политической сфере. Понятие «регион» изначально имеет географическое измерение. Регионы возникают как

относительно самостоятельные территориальные образования под влиянием большой и сложной совокупности факторов естественного, социального и политического характера. Границы субъектов РФ, как регионов, определяются российскими законами. Именно в рамках этих границ формируется пространство региональных политических отношений, создаются органы государственной власти, обеспечивающие управление соответствующими территориями, а граждане получают право реализовать свой статус избирателя этих органов власти. Политические пространства регионов отличаются своими институциональными параметрами, соотношением формальных и неформальных норм, структурой политических сетей, степенью развитости элементов гражданского общества, стратегиями взаимоотношений между разными сегментами элит, а также между элитами и населением.

В условиях информационного общества и глобализации, как отмечают некоторые исследователи, трудно говорить о постоянстве каких-либо параметров политического пространства. «Появилось понятие «сжатие пространства» и одновременно становилось очевидным, что «множатся локусы политического, в том числе за счет появления и расширения субнациональных и транснациональных политических пространств, которые представляют собой вполне естественный побочный продукт глобализации». «В целом же, считает А.Мельвиль, как об общей тенденции, можно говорить о специфическом «расширении» политического пространства. Размывается привязка политического пространства к конкретной территории. Оно уже перестает восприниматься как территория политики» [9].

Таким образом, при всей важности и значимости территории в локализации политических действий, она может восприниматься как жесткий ограничитель политического пространства. Ряд исследователей даже попытались заменить базовую пространственную детерминанту – территорию – на другие, являющиеся более, с их точки зрения, важными. Так, по мнению В.А.Волкова и Д.В.Афиногенова, в XXI веке объединяющим фактором будут экологические проблемы, подталкивающие людей к «объединению и активным действиям без учета официальных границ», что должно привести к образованию новых политических общностей и формированию новых политических пространств (экополитических пространств) [10].

В условиях глобализации фактически любой регион обладает выходом в мировое политическое пространство. Глобализация делает транспарентными национальные границы, позволяет выходить на международных политических акторов, обретать известность и даже определенный политический вес на международной арене. Оренбургская область обладает еще одной особенностью, отличающей ее от ряда других субъектов РФ, она является приграничным регионом. Эта специфика географического положения обуславливает неизбежность ее ориентации на соседей, находящихся по ту сторону национальной границы России.

В основе второго подхода (социологического) лежат представления о многомерности социальной и политической жизни, о наличии социальных дистанций, отделяющих людей друг от друга, о возникновении политических групп, стремящихся к расширению ареала своего влияния и т.д. Категория

«социального пространства» является весьма уместной для описания сложной картины взаимного положения индивидов в системе социальных отношений. П.Сорокин отмечал, что социальное пространство в корне отличается от геометрического. «...Положение президента Гардинга, писал он, в геометрическом пространстве резко изменилось, когда он переместился из Вашингтона на Аляску, тогда как его социальное положение осталось тем же, что и в Вашингтоне. Людовик XVI в Версале и Николай II в Царском Селе оставались в том же геометрическом пространстве, хотя их социальное положение в один момент круто изменилось» [11].

В рамках социологического подхода пространство, указывающее на взаимоположение разных объектов, характеризуется особыми параметрами соотнесения этих объектов. Такими параметрами могут быть принадлежность к общности, место в системе институализированных отношений, близость ценностных ориентаций и способов интерпретации социальной реальности.

Наиболее четко категория социального пространства была прописана П.Бурдьё. Он рассматривал социальное пространство как форму выражения координации между агентами, силами, состояниями объектов.

Социальное пространство объективно в той мере, в какой объективны отношения, связывающие акторов и формирующие различные альянсы и оппозиции. Одна из основных особенностей социальной реальности, с точки зрения Бурдьё, заключается в том, что оформляющие ее структуры имеют двойственное значение, «ведут двойную жизнь». Во-первых, они существуют как объективная реальность распределения материальных ресурсов и властных полномочий, средств производства, благ и ценностей. Во-вторых, эти структуры воспринимаются агентами социальной реальности, и таким образом становятся «реальностью второго рода», «символической матрицей практик агентов» [12].

Символическое выражение многообразия форм политической жизни придает политическому пространству то особое качество, которое отличает его от физического пространства. В политическом пространстве человек может адекватно ориентироваться, только обладая знаниями о смыслах и значениях символических и лингвистических знаков, его конституирующих. Эти знания формируются, подтверждаются или опровергаются только в ходе постоянного процесса обмена информацией между людьми. Коммуникация делает возможным формирование у людей однотипных представлений о порядке осуществления власти в обществе, о наличии дистанций между политическими позициями, позволяет людям более или менее адекватно интерпретировать намерения друг друга, реагировать на совершаемые действия.

Реализация технологий связей с общественностью в политической сфере может быть успешной только при условии использования на практике теоретико-методологических принципов, сформулированных в рамках концепта символического политического пространства. Если территориальные расстояния воспринимаются визуально, то восприятие социальных и политических дистанций требует усвоения символических форм их выражения. Символическая, или виртуальная, реальность формируется в ходе информационных обменов, обеспечивающих появление смыслов и значение, влияющих на восприятие пространственных отношений, на комплекс представлений о политическом

потенциале различных субъектов. Используя приемы и способы информационного воздействия, можно, вносить коррективы в политическую картину мира, влиять на общественное мнение, на представления о важности и значимости политических субъектов в пространстве политических отношений.

Список литературы

1. Семигин Г.Ю. Политическое пространство // Политическая энциклопедия. В 2-х томах. Т.2. – М.: Мысль, 1999, С. 296.
2. Гаджиев К.С. Политология – М.: Высшее образование, 2007, С. 107.
3. Мальцева Д.А. Стратегическое моделирование в политическом пространстве // ПОЛИТЭКС, 2010, № 3
4. Цимбурский В. Геополитика как мировидение и род занятий // Русский архипелаг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/interpr/profession/>
5. Ильин М.В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис, 1998, № 3, С. 82.
6. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. – М.: Конкорд, 1996, С. 104-107.
7. Княгинин В, Перелыгин Ю. Пространственное развитие России в долгосрочной перспективе // Российское экспертное обозрение «Россия: карты будущего», 2007, №1-2 (20). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusrev.org/default.asp>
8. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003, С. 183.
9. Мельвиль А. Пространство и время в мировой политике // Космополис, 2007, № 2 (18), С. 117-120.
10. Волков В.А., Афиногенов Д.В. Экополитические пространства – новые политические измерения // Общественные науки и современность, 2002, № 3, С. 60.
11. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992, С. 297-298.
12. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб: Алетейя, 2005, С. 573.